

УДК 81'25; 81'246.2; 81'37

КОНЦЕПТ *ТӘУФЫЙК* В ОРИГИНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ И ПЕРЕВОДЕ

© А.М.Галиева, Э.Ф.Нагуманова

В статье рассматриваются особенности татарского национально-специфического концепта *тәүфыйк*, исследуются возможности репрезентации этого концепта средствами русского языка при переводе.

Ключевые слова: перевод, концепт, структура концепта, проза, татарские писатели.

В современных работах по лингвокультурологии и литературоведению часто обращаются к рассмотрению функционирования тех или иных концептов культуры в художественных текстах, в которых осуществляется сложное взаимодействие лингвокультурной картины мира этноса и индивидуально-авторского творческого сознания и моделируются художественные концепты, обусловленные не только индивидуальным эстетическим мировидением автора, но и коллективной памятью культуры и ее ценностными приоритетами.

В процессе познавательной деятельности человек – субъект познания, отражая предметы и явления действительности в своем сознании, измеряет их с определенной ценностной шкалой, в качестве которой выступают нормы, стандарты, модели, выработанные обществом, а также потребности, желания и вкусы самого индивида. Оценка как социокультурная категория, отражающая исторически сложившееся и социально закрепленное типизированное отношение членов языкового коллектива к явлениям мира, опирается на языковые формы, представляющие собой объективированные формы понятийного мышления. К базовым этнокультурным концептам, составляющим ядерный слой духовной культуры народа, относятся этические концепты, которые задают устойчивые нормы поведения и ориентируют человека в социальной действительности [1: 11-12].

Произведения классиков татарской литературы помогают раскрыть многие смысловые грани национально-специфических концептов. В данной статье мы попытаемся определить своеобразие одного из значимых концептов татарской культуры – концепта *тәүфыйк*, а также выявить основные способы его воспроизведения в переводных текстах. Материалом исследования стали произведения Ф.Амирхана «Хаят», Ш.Камала «Акчарлаклар» («Чайки»), А.Еники «Әйтелмәгән васыять» («Невысказанное завещание») и их переводы на русский язык, для выделения характерных особенностей рассматриваемого концепта мы также обратились к тексту Корана.

Концепт *тәүфыйк*, как и многие другие культурные концепты, не имеет четкой структуры и жестких границ и существует как фрагмент картины мира носителей татарской культуры. Слово *тәүфыйк* (تَوْفِيقٌ) происходит от арабского глагола وَفَّقَ 'сглаживать (разногласия); согласовывать, примирять'. В арабско-татарско-русском словаре заимствований мы находим следующее толкование этого понятия: «Тәүфикъ – 1) туры китерү; 2) тәүфыйк, тыйнак (әдәплә) булу; 3) уныш, бәхет; 4) ярдәм. – 1) приведение в соответствие; 2) воспитанность, скромность; 3) удача, счастье; 4) помощь, содействие» [2: 616].

В татарско-русском словаре под редакцией Ф.А.Ганиева существительное *тәүфыйк* переводится как 'благочестие, благонравие'. Соответственно, его дериваты *тәүфыйклы* – 'благочестивый, пристойный'; *тәүфыйклылык* – 'благочестие, пристойность' [3: 345].

Как видим, в словарных статьях при передаче значения слова *тәүфыйк* используются лексемы с первым компонентом *благо-*, образованные путем словосложения.

Под понятием *благо* в этике и философии понимается все то, что включает в себе определенный положительный смысл, представляет ценность для человека, состояние и условие совершенства. Благо является предпосылкой нравственных ценностей. Благонравие предполагает умение вести себя в обществе, обладание хорошими манерами, благовоспитанность. Согласно «Большому толковому словарю русского языка», благочестие – соблюдение религиозных предписаний, церковных правил [4]. Таким образом, словарные варианты перевода значительно сужают или конкретизируют значение понятия *тәүфыйк*, синкретичного по своей природе и объединяющего этические, религиозные, поведенческие, прагматические и иные аспекты.

Концепт *тәүфыйк* относится к числу религиозных, в его структуре наиболее полно представлены те основополагающие начала, которые должны быть присущи истинному мусульманину. Для ислама, в отличие от других религий – иудаизма и

христианства, характерно отсутствие противопоставленности сакрального и мирского, духовного и физического, что отражается в ключевых концептах, выражающих мусульманское мировоззрение и жизневосприятие. В коранических текстах утверждается не отвлеченная, чисто теоретическая вера в единого и всемогущего Бога, как, например, в иудаизме; мусульманский бог ждет ответа от людей не только в умозрительном исповедовании веры, но и в угодных ему делах, в исламе собственно вера не отделена от каждодневной жизненной рутины верующих: вера, которая не выражает себя в добрых делах, в исламе немыслима:

*Поистине, те, кто уверовал и доброе творит,
Молитву соблюдает по часам
И правит очистительную подать,
Найдут у Господа награду [5: 2: 277].*

Иными словами, в исламе религиозное и этическое неразделимы, и божественные заповеди в первую очередь имеют регулятивный нравственный характер, а неверие определяется и как несоблюдение этических норм.

В Коране вера определяется в трех неразделимых аспектах: относительно Бога, относительно людей и относительно самого себя. Соответственно, в ключевых концептах мусульманской культуры эти три аспекта также нерасторжимы: обладающий *тауфыйком* предан Аллаху, добр по отношению к людям и строг по отношению к самому себе.

Концепты мусульманского сознания часто с трудом допускают анализ именно из-за своего комплексного характера, при этом отсутствие в современном татарском языке живой внутренней формы слов, вербализирующих концепты ислама, затрудняет непосредственное понимание значения большей части таких лексем, которые в основной своей массе являются заимствованиями из арабского языка. Смысловая организация подобных понятий в целом весьма сложна и неоднородна.

Содержание и структура концепта культуры «проявляет» себя реализуемыми в вербальном общении устойчивыми дискурсивными стереотипами и реминисценциями к предыдущим дискурсивным практикам» [6: 155]. Как отмечают исследователи, структура любого концепта характеризуется сложностью и многоуровневостью. Большинство ученых вычленяют в составе концепта определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки (образный, оценочный, коннотативный и др.). В частности, С.Г.Воркачев выделяет в концепте понятийную составляющую (признаковая и дефиниционная структура), образную составляющую (когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании) и значимостную составляющую – этимологические, ассоциативные характеристики кон-

цепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка [7: 7].

З.Д.Попова и И.А.Стернин говорят о трех базовых структурных компонентах (элементах) концепта – образе, информационном содержании и интерпретационном поле [8: 106-115].

В.Г.Зусман, выявляя особенности «литературного концепта», пишет: «Если концепт в науке или культуре движется между понятием и представлением, то концепт в литературе отклоняется в сторону представления. В системе «литература», в ходе коммуникации происходит порождение не идей, не понятий, а чего-то «третьего». Это «третье» – и есть концепт» [9: 12]. «Концепты в художественной литературе возникают как результат взаимодействия внутренней формы слова-произведения со «словесными и общекультурными стереотипами»» [Там же: 21].

Обычно исследователи говорят о том, что концепт не имеет жесткой структуры. Разногласия касаются в основном количества и характера структурно-семантических компонентов. «Слоистое» строение концепта может являться результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох [10: 12].

Таким образом, концепт как вербально-понятийно-ценностный феномен культуры устойчиво аккумулирует в себе как культурно-ассоциативные, так и понятийные, образные и аксиологические компоненты содержания.

Понятийное ядро концепта *тауфыйк* включает этическую составляющую, связанную с благом. *Тауфыйк* предполагает творение добра по отношению к окружающим и к самому себе, умеренность в быту и скромность в поведении, противостояние искушениям и соблазнам, целомудрие и непорочность. Важная конstituента данного концепта – скромность.

Для концепта *тауфыйк* трудно привести пример образной составляющей, что, вероятно, определяется отсутствием внутренней формы анализируемой лексемы и отвлеченным характером религиозных концептов.

Концепт *тауфыйк* часто фигурирует в различного рода благопожеланиях, особенно по отношению к детям или подросткам, вступающим во взрослую жизнь. Часто слово *тауфыйк* используется в благопожеланиях в одном ряду с лексемами *инсафлык* (благовоспитанность, скромность), *саламэтлек* (здоровье), *бахет* (счастье), *иминлек* (благополучие). Как показывает наш материал, слово *тауфыйк* как в реальном употреблении в речи, так и в языке произведений писателей-классиков часто фигурирует в дезидеративных контекстах как ценность желаемая (*алладан тауфыйк сорау*), которую человеку трудно получить лишь своими собственными усилиями, без

помощи Всевышнего. Соответственно, *тәүфыйк* – этико-религиозная ценность, даруемая свыше, но такая, обладание которой делает возможной для личности самостоятельное достижение иных жизненных благ и ценностей, как материальных, так и духовных. Постоянное нравственное совершенствование вменяется в обязанность каждому мусульманину и мусульманке, и залогом этого является обладание *тәүфыйком*.

Понятие *тәүфыйк* малохарактерно для художественных произведений современных писателей, оно вытесняется другими словами, выражающими аксиологические предпочтения современного сознания – прагматизм, нацеленность на жизненный успех и материальные ценности. В то же время лексему *тәүфыйк* часто можно встретить в произведениях писателей-классиков – Ф.Амирхана, Ш.Камала и А.Еники – в разных контекстах.

Обратимся к примерам из произведений татарских писателей.

Попытка воспроизведения исходных концептов с наименьшими потерями для смысла отличает переводы Г.Хантемировой, которая, прекрасно зная языковые и культурные особенности татарского народа, стремится передать своеобразие оригинала. Так, в переводе повести Ф.Амирхана «Хаят» лексема *тәүфыйк* воспроизводится описательно, при этом происходит сужение значения исходной лексемы и контекстуальное варьирование смысла: «Газизә абыстай бу егетнен Г. шәхәрәндәге Салих Фатихов исемле яш бай, бик *тәүфыйклы* һәм бик образовный кеше икәнчелеген сөйләде <...>» – «Это Салих Фатихов, сын одного из баев города Г., юноша «очень образованный и с добрым сердцем»» [11: 279].

В повести «Хаят» слово *тәүфыйклы* встречается несколько раз. В следующем фрагменте Г.Хантемирова подбирает русский аналог анализируемой лексемы, ориентируясь на словарное значение: «Туганымнарның һәр икесендә бару ягын куәтли торган сәбәп тә юк түгел иде. Егет матур, бай, *тәүфыйклы* да, ди. Егет образовный да: Аурупа костюмында <...>» – «Нельзя сказать, чтобы у подруг не было доводов «за». Жених красивый, богатый, будто и **благодарный**, к тому же еще и образованный – в европейском костюме <...>» [11: 282].

Переводчику удалось сохранить универсальный аспект этического значения (доброта, благой нрав), однако полностью теряется религиозная коннотация. В оригинале к образу вполне светского персонажа в европейском костюме за счет использования слова *тәүфыйклы* примешивается оттенок консервативности и верности традиционным жизненным устоям. В переводе акценти-

руется эмоциональная (с добрым сердцем) и поведенческая составляющая (благодарный).

Данный концепт находит отражение и в произведении Ш.Камала «Акчарлаклар» («Чайки»). К примеру: «Кыйнашудан файда юк: алладан *тәүфыйк* сора, озын гомер <...>» (глава «Әйт шуны»). Мы рассмотрели три перевода повести, выполненные в разные годы. В ранних переводах А.Хаджиевой (1947) и И.Заботина (1952) данное предложение опускается, К.Максудов переводит приведенную выше фразу следующим образом: «Драка никому на пользу не идет; наберись терпения, моли всевышнего, чтобы **удержал он тебя от дурных поступков**, да жизни дал много лет» [12: 178].

Переводчик обращается к такому приему, как описательный перевод, что в целом соответствует общему контексту, хотя приводит к сужению информационного поля татарского концепта, поскольку *тәүфыйк*, кроме воздержания от дурных поступков, предполагает и другие этические императивы.

Потеря религиозного аспекта данного концепта прослеживается и в произведении А.Еники «Невысказанное завещание», когда слова главной героини Акэби «*Бәбкәчем, зур егет бул, Алла *тәүфыйк* бирсен үзең!*», адресованные внуку, переводятся на русский язык как «Цыпленочек ты мой, **расти большим и хорошим, дай бог тебе здоровья!**»¹ [13]. В данном примере мы наблюдаем значительную трансформацию исходного концепта, переводчик воспроизводит универсальную этическую составляющую, приближив текст к русскому читателю.

Религиозный аспект сохраняется в переводе данного фрагмента Р.Кутуем, но только не при передаче содержания интересующей нас лексемы, а в пределах контекста: «Минем белекием, **вырасти сильным джигитом, да одарит тебя аллах *благодарием!***» [14: 449].

Общим для всех рассмотренных вариантов перевода является то, что при переводе акцентируются универсальные этические аспекты исходного понятия, при этом лексемы на русском языке передают эти этические установки в достаточно отвлеченной форме (*хороший, добрый*), выражающие общечеловеческие ценности, а синкретически сложная природа исходного концепта, включающая не только великодушие и доброту, но и скромность, целомудрие, верность традиционным этическим ценностям и др., в переводе не воспроизводится. При этом утрачиваются смыслы, выражающие то, что человек, обладающий *тәүфыйком*, согласовывает свои помыслы и действия с предписаниями ислама. По-

¹ Перевод Х.Хусаиновой [13].

казательно, что ни в одном из вариантов перевода нами не обнаружено слово *благодетельство*, предполагающее религиозные коннотации.

Таким образом, концепт *тауфыйк* является настолько емким и сложным по структуре, что однозначного перевода его на русский язык найти невозможно, в любом случае переводчикам приходится либо прибегать к описательному переводу, либо обращаться к словарным соответствиям. Приведенные примеры позволяют в очередной раз показать неоднозначность толкования национально-специфических концептов, при переводе которых приходится искать адекватные средства передачи содержания концепта одной лингвокультуры средствами принимающей лингвокультуры. Это предполагает тщательный когнитивный, культурологический и исторический анализ, однако и при этом следует учитывать, что безэквивалентный концепт при переводе в любом случае подвергается трансформации.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ №№ 12-14-16017 а/В/ 2012.

1. Аминова А.А., Галиева А.М. Перевод оценочной лексики (на материале повести Ф.Амирхана «Хаят») // Филология и культура. Philology and Culture. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2012. – С. 11 – 14.
2. Махматов М.И., Хамзин К.З., Сайфуллин Г.Ш. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге / Арабско-татарско-русский словарь заимствований. В 2 т. – Казань: «Иман» нәшр., 1993. – Т. II. – 853 с.
3. Татарско-русский словарь / Под ред. Ф.А.Ганиева. – Казань: Татарское кн. изд-во, 2002. – 488 с.
4. Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С.А.Кузнецов // URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 30.01.2013).
5. Коран / Пер. смыслов и коммент. В.Пороховой; Гл. ред. Мухаммед Шейх Саид Аль Рошд. – М.: Просветительский центр «Аль-Фуркан». – Б.и., 1993. – 622 с.
6. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 176 с.
7. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – Московский гос. ун-т им. М.В.Ломоносова. – М.: Макс-пресс, 2003. – С. 5 – 12.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Учебное издание. – М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. – 315 с.
9. Зусман В.Г. Диалог и концепт в литературе. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001. – 168 с.
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
11. Амирхан Ф. Избранное. Рассказы и повести / Пер. с тат. Г.Хантемировой. – М.: Худож. лит., 1975. – 320 с.
12. Камал Ш. Избранные произведения в двух томах. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1983. – Том I. – 384 с.
13. Еники А. Невысказанное завещание / Перевод Х.Хусаиновой // URL: <http://kitap.net.ru/eniki/7-9.php> (дата обращения 30.01.2013).
14. Еники А. Невысказанное завещание / Перевод Р.Кутуя. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1990. – С. 426 – 479.

CONCEPT *ТАУФЫЙК* (TAUFIQ) IN THE ORIGINAL TEXT AND IN THE TRANSLATION

A.M.Galiyeva, E.F.Nagumanova

The paper analyzes the peculiarities of the nationally specific concept *тауфыйк* (*taufiq*) and investigates the possibility of its representation by means of the Russian language in the course of translation.

Key words: translation, concept, structure of concept, prose, Tatar writers.

Галиева Альфия Макаримовна – кандидат философских наук, доцент кафедры общей лингвистики и лингвокультурологии Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: agalieva@yandex.ru

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы и компаративистики Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: ehlviran@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.01.2013